

В июне 2017 года редакция «Алтайской правды» поместила весьма осторожный некролог: «24 июня 2017 года ушел из жизни заслуженный художник России Леопольд Цесюлевич». Редакция газеты смягчила удар. Слишком не вязалась трагедия дня с живым обликом удивительной красоты человека. Но с этого момента начала пульсировать живая общественная память. Скоро судьба Цесюлевича станет частью истории и культуры Алтайского края и страны в целом. Его вклад в искусство и духовную жизнь края займет подобающее место. Печально, если для идущих за нами поколений Цесюлевич предстанет, хотя и вполне заслуженно, но только как талантливый художник. Перед светлой памятью Леопольда Романовича ныне живущие и знающие этого человека должны успеть сказать о том, что он больше чем художник, что его служение культуре и идеям семьи Рерихов равно подвигу.

Я попытаюсь, ничуть не умаляя в нем таланта художника, воспроизвести только часть дел, выходящих за рамки

профессионального творчества. Хотя занятие неблагодарное. Как от цельной непротиворечивой личности с хорошо организованным сознанием отнять творческий взгляд на мир и прекрасные произведения искусства, получившие признание зрителей и высокую оценку искусствоведов?

Цесюлевич занимался преподавательской и переводческой деятельностью; на протяжении многих лет исследовал алтайский этап Центрально-Азиатской экспедиции Николая Рериха. Был озабочен судьбой коллекции экспонатов по творческому наследию семьи Рерихов. Для этого вел большую переписку с работниками музеев Рериха за рубежом и в Советском Союзе. Леопольд Романович участвовал в основании Государственного музея истории литературы, искусства и культуры Алтая (ГМИЛИКА).

Он выкроил время позаботиться и о студенческой молодежи. Инициировал создание картинной галереи в Алтайском государственном университете. К открытию галереи подарил собственную картину. Прочитал два цикла лекций по просьбе студентов политехнического института о Чюрлёнисе и Рерихе. Вместе с художницей Илзе Р. Рудзите и актером Алтайского драматического театра Сергеем Зубчуком организовывал и проводил встречи с любителями искусства. В основном с молодежью.

Встречи проходили в творческой мастерской Леопольда Романовича. Посетители называли эти встречи «художественными посиделками». Классическая музыка и поэзия классиков сопровождали восприятие художественных полотен. На последних «посиделках» С. Зубчук применил цветомузыку.

Леопольд Романович в 1974 году принял активное участие в подготовке и в съемках полнометражного фильма Рениты Андреевны Григорьевой (скончалась 21 января 2021 г.), посвященного пребыванию Н.К. Рериха и его семьи на Алтае. В Книге¹ Цесюлевич посвятил этому 28 и 29 страницы, поэтому мы

¹ Цесюлевич, Леопольд Романович. Понятие о культуре и история создания коллекции экспонатов по творческому наследию семьи Рерихов [Текст] / Леопольд Цесюлевич. — Екатеринбург: Звезды Гор, 2016.

опускаем яркие, радующие сердце подробности. Но хотим сказать, что, несмотря на объективные трудности, съемки проходили в приподнятом, даже праздничном настроении. Участники съемок хорошо понимали, что они совершают великое дело. Казалось, что дух Рериха вместе с ними, что они с благодарностью возвращают долги.

Леопольд Романович испытывал особую радость, когда для фильма снимали сельчан Верхнего Уймона. Вот строки из воспоминаний: «Открытие мемориальной доски на «Доме Рериха» в Верхнем Уймоне превратилось в небывалый, радостный и, видимо, величайший праздник сельчан за многие десятилетия. Шли съемки фильма, выступали районные и сельские представители власти, культурные деятели, учителя школы, дети, пионеры стояли на торжественной линейке. А самое замечательное — сельчане в традиционных русских костюмах создавали яркую красочную картину народного праздника, торжества, возвышенности духа. Ведь в этом действе наконец-то осуществились, хоть на этот один день, чаяния народного самосознания и единения. Праздник был истинным и неповторимым: художник, творец и — любимый им народ, Рерих и Алтай. И мечты народа о счастье».

Этот полнометражный документальный фильм был продемонстрирован в Москве, в 1974 году в Большом театре на торжествах, посвященных 100-летию Николая Рериха. Фильм имел большой успех, его закупили более ста стран. В 1975 году в Барнауле в стенах Аграрного института картина была показана студентам-аграриям и уже знакомым ему студентам политехнического. Когда Леопольд Романович представлял фильм, мы увидели, что он испытывает чувство гордости. Большая значимая работа получила достойное воплощение.

Наряду с этими делами с той же заинтересованностью и ответственностью наш убежденный рериховец принимал активное участие в работе научных конференций, картинных галерей, посвященных Рерихам. Переписка, встречи, научные доклады и статьи, воспоминания — всё подчинено одной цели и одной задаче — восстановить имя Рерихов на Алтае. Подготовить условия для проживания младшего сына Рериха — Святослава (он один остался из семьи Рерихов) — в случае, если тот захочет посетить

места, где в 1926 году жили его родители и старший брат. И, конечно, открыть музей Рериха в Верхнем Уймоне. Последний вопрос потребовал много времени и сил, но пока не решен. Завис. Маловато отпущено средств.

В это же время, по словам Цесюлевича, «дни, недели, поездки по городам», переписка с первым поколением рериховцев были подчинены одной цели — формированию коллекции экспонатов для музея Рериха на Алтае.

Мы перечислили далеко не все шаги и усилия Леопольда Романовича в его миссионерской деятельности. Но на Алтай и в Барнаул он приехал не миссионером, а молодым художником, окончившим Рижскую академию художеств, и после службы в армии. Ехал удовлетворить свои профессиональные планы и творческие амбиции.

Алтай выбрал не случайно, а по совету деятелей культуры, которым безраздельно доверял. Цесюлевич вспоминал, что поэт и философ Рихард Рудзитис неоднократно встречался со старшим сыном Рериха Юрием Николаевичем. К счастью, Рудзитис познакомил с ним студента Цесюлевича. Из тех бесед, из тех мыслей, которыми они втроем обменивались, становилось ясно, что именно на Россию, Сибирь и Алтай возлагаются самые большие надежды для дальнейшего развития культуры. И что именно на Алтае желательно основать музей Рериха.

В воспоминаниях нашего героя большая работа выглядела весьма скромно. Например, крайком партии принял решение о создании музея Рериха на Алтае. Была создана комиссия по организации музея. А сколько лет и усилий потрачено, прежде чем эти решения были приняты?! Сколько встреч, заседаний, сколько переговоров!

В комиссии распределили обязанности. «Передо мной была поставлена задача — собрать экспозиционный материал для музея... Наступил период писем». Не респонденты искали Леопольда Романовича, а он «...писал всем, кто мог хоть что-то дать для экспозиции; всем — в нашей стране и за рубежом».

Вот краткий, далеко не полный перечень отозвавшихся на просьбу. Первым на призыв откликнулся музей Рериха в Нью-Йорке. Многое, наиболее значимое, дали друзья в Риге,

наследники архива Рихарда Рудзитиса; сестры Митусовы представили предметы быта из еще дореволюционной квартиры Рерихов в Петербурге и т. д. Особую историческую и художественную ценность представляет так называемый «архив Шибаева» — личного секретаря Н. К. Рериха.

Работа комиссии подходила к концу, Леопольд Романович предвосхищал, в каком виде предстанет экспозиционный материал, и понял, что не хватает самого главного — для достойной экспозиции музея необходимо Знамя Мира. Оно стало символом движения миротворцев. Без него коллекция не будет полной.

Снова на помощь пришли друзья из Литвы. В Каунасе знакомые врачи, тоже энтузиасты культуры, помогли изготовить Знамя. Известный нейрохирург Юозас Шидишкис обратился с просьбой к своему бывшему пациенту — директору Каунасской фабрики набивного шелка, смог договориться с ним о таком деле. По трафарету Цесюлевича и образцу цвета Знамя Мира было сделано и доставлено в Барнаул. В Книге много имен. Леопольд Романович говорит о них с большой благодарностью за отзывчивость и поддержку в большом деле. Ведь им пришлось расставаться с реликвиями.

Наконец, экспонатов накопилось столько, что встал вопрос о сохранности и о надежной «прописке». Комиссия по организации музея Рериха приняла решение: собранные Цесюлевичем экспонаты временно передать краеведческому музею. В 1983 году передача архива музею состоялась. Леопольд Романович подписал акты передачи, все экспонаты еле вошли в автобус.

Из воспоминаний Цесюлевича: «... идея жила и как бы была задачей жизни... поискам посвящались дни, недели, поездки в другие города». Мало сказать «задачей», стоит уточнить — смыслом жизни. Автор Книги записал: «И над всей этой экспозицией... как мощнейший аккорд идеи висело Знамя Мира Рериха, созданное литовскими друзьями». Нашему подвижнику было приятно сознавать, что миротворческие идеи мобилизуют международные силы.

Реликвии — коллекция экспонатов по творческому наследию семьи Рерихов — обрели надежное место в государственном учреждении. Цесюлевич подводил итоги, он глубоко

осознавал мировую, научную и культурную ценность материалов. Как-то новое поколение рериховцев распорядится непреходящими ценностями? Однажды директор музея Рериха в Нью-Йорке Зинаида Григорьевна Фосдик (она вместе с Рерихами участвовала в экспедиции) заметила: «После разговора с Рерихом остается впечатление, будто побывал в нескольких университетах». Это так. Сколько же университетов прикоснется к наследию семьи Н. К. Рериха?

Большая многолетняя и многотрудная работа по сбору музейных ценностей, казалось, подошла к завершению. Но вот Цесюлевичу стало известно, что сотрудники Горно-Алтайского краеведческого музея тоже хотят иметь материалы по Рериху. «Мне стало ясно, — рассказывал Леопольд Романович, — что надо собирать экспонаты и для них. И тут я с не меньшим жаром взялся опять писать письма всем тем, кто уже что-то прислал для музея. Снова коллекции книг Н. К. Рериха и монографии о Рерихе.

Задачу собирания второй музейной коллекции облегчил мне тот факт, что я все эти годы, собирая экспонаты для музея, всегда старался книги, альбомы, монографии, журналы приобретать не в одном экземпляре, а в нескольких. Итак, передача состоялась, документы оформлены, и опять полный автобус увез музейные экспонаты в дар Горно-Алтайскому областному музею».

Все, кто знал и помнит Леопольда Романовича, искренне прилагают его имени, его подвижническому долгу, его чутким душевным качествам. А душа действительно была чуткой и неповторимой. Она была не просто открыта, а распахнута в бесконечность для общения с каждым, кто пожелал прикоснуться к смыслу жизни, к таинству красоты, к науке, к культуре в целом.

Легкий и простой в общении человек, он быстро обращал незнакомца в свою веру и делал единомышленником. В итоге Леопольд Романович жил среди близких по духу, число которых непрерывно росло. Стоило библиотеке им. Шишкова или ГМИЛИКА включить встречу с Цесюлевичем в программу месяца, независимо от темы, люди спешили к нему, чтобы увидеть, услышать, чтобы дышать в унисон с тем, что его волнует. Единомышленники им были узнаваемы и приветствовали друг друга. Хотелось подбежать, обнять и поблагодарить его за щедрость души

и неустанную работу над собой, за постоянное обновление. Он всегда был другой — тот же, но новый.

Поклонники Леопольда Романовича понимают, что люди с такими качествами не рождаются. Всего, чего добился в жизни, всё, что осуществил из задуманного, он создал своим трудом. Жизнь превратил в подвиг. Это верно. Об этом я хотела сказать тем, кто его не знал. Но я считаю нужным признаться в том, что до того, пока не приступила к воспоминаниям, пока не собрала вместе разрозненные впечатления, я не подозревала, сколько сил, энергии, интеллектуальных и физических затрат приложил этот упорный человек, чтобы исполнить свой долг. Попытаюсь ответить на такие вопросы: где истоки и начала состоявшемуся подвигу? Откуда в нем высокий вкус к слову, богатый кругозор, гуманистические ценности? Так вышло? Сложилось само собой? Не уверена.

Прямыми фактами я не располагаю, надо обратиться к косвенным. Надеюсь найти их в личных воспоминаниях во время частных бесед и в мемуарной литературе, в лекциях, различных статьях и, конечно, в искусстве. Через их призму попытаюсь ответить себе на два вопроса: какие обстоятельства жизни оказали решающее влияние на формирование его личности? И какая внутренняя сила настойчиво и непротиворечиво вела его к цели в раннем детстве, в юности и в третий период жизни?

Ключевым фактором формирования личности, на мой взгляд, безусловно, явилась память. Она же стала решающим фактором всей жизни — тем маховиком, который заряжал его неумной энергией в любом возрасте.

На первой странице выше упомянутой Книги автор указывает на гносеологическую закономерность: если хочешь постичь смысл и суть явления, начни с истоков, иди к самому началу этого явления. Грех не воспользоваться мудрым советом. И в соответствии с названной закономерностью отправлюсь к началу жизненного пути, к детству Поля.

Безусловно, Леопольду Романовичу повезло родиться в нравственно здоровой, патриотичной, интеллигентной латышской семье. Именно в ней начала и истоки будущего подвижничества, с детства не прерывающейся активной деятельности. Взрослым

Цесюлевич это хорошо осознавал и, выступая перед школьной и студенческой аудиторией, с теплотой и благодарностью говорил о своей семье и о ее роли в его восприятии жизни. Как талантливый педагог он в молодежной аудитории использовал любую возможность для связи просветительской встречи с воспитательными акцентами.

Также неисчерпаемой в его творчестве была тема войны. Вторая мировая война выросла в его мозг с раннего детства и на всю жизнь сформировала отвращение к насилию и разрушению и одновременно притяжение к добру и красоте.

Война явилась тяжелым и трагическим испытанием для нашего народа. К сожалению, либерально настроенное «подавляющее меньшинство» нашего общества до сих пор считает, что жертв можно было избежать, если бы Советский Союз не оказывал бессмысленного сопротивления врагу. Мол, какая разница при какой власти жить. Да и в цивилизованном европейском обществе народу жилось бы гораздо лучше. Эти чудовищные рассуждения рассыпаются в прах перед реальными фактами. Живая память Леопольда Романовича, еще одного свидетеля варварского разрушения культурных ценностей и фашистских планов уничтожения мирного населения, говорит об обратном. Об этом объективно и страстно повествует Свидетель.

Война нарушила мир, война разрушала культурные ценности. Человечество несло огромные потери на фронтах, на оккупированных территориях и в тылу. Жизнь на оккупированной территории была и страшной и опасной. Независимо от национальной принадлежности, в случае победы над Советским Союзом всех ждал один конец. В том числе и население Латвии тоже подверглось уничтожению.

Во время оккупации часть рижан была угнана в Германию, около 70 тысяч уничтожено в рижском гетто. Гитлер приказал, если придется оставить Ригу в случае отступления немецкой армии, всё население эвакуировать, а город превратить в пустыню. Когда фашисты были вынуждены отступить под напором Красной армии, вспоминал Леопольд Романович, оставшееся население не на чем было отправлять в Германию. Приказ был: «Уничтожить!» Из воспоминаний юного Поля узнаем: «Людей

загоняли на старые, неисправные сухогрузы, на буксире оттаскивали в центр Рижского залива и т-о-п-и-л-и. Так Рига была подготовлена к полному уничтожению». Семья глубоко переживала и остро обсуждала злодеяния оккупантов.

Память Леопольда Романовича, человека уже зрелого возраста, ввела к сороковым годам, когда семья жила в оккупированной Латвии, в Риге. Страх и запреты преследовали повсюду. «Но и само небо, пространство, стены домов, булыжники мостовых были как бы насыщены страхом, угрозами, смертью». Запрещено разговаривать в очереди за водой, запрещено смотреть в глаза полицейскому, запрещено смотреть по сторонам. И еще много чего нельзя. Память хранила трагические случаи из жизни оккупированного города. О трагедиях дети знали не понаслышке, часто были их немymi свидетелями и не по-детски глубоко страдали. У них одновременно открылась душевная рана, сочувствие и боль за другого.

Леопольд Романович навсегда запомнил свой первый страх. Это был 1941-й. Маленькому Полю всего четыре года. Отец и дети, держась за руки, шли не торопясь по улице. И вдруг увидели, «как по шоссе мчатся на мощных мотоциклах, смеясь и торжествуя, юнцы в касках, с автоматом на груди и свастикой на рукаве. Завоеватели мира». У отца сжалось сердце. Дети почувствовали и запомнили эту его тревогу.

Настроение взрослых, их мысли, их выражение лица мгновенно сообщали детской душе всю серьезность и опасность происходившего. Конечно, при этом страшном режиме не все латыши выдерживали оккупацию. Были случаи, когда и взрослые и молодежь, чтобы не быть угнанными в Германию или подвергнутыми насилию, а иногда и по политическим мотивам, изменяли своему народу и родине — нанимались в полицию.

Первой душевной раной для Поля стала боль за сестренку. Ее ударил кулаком по лицу фашиствующий латыш лет 12–14. Он шел в небольшой группе таких же, как он. В новой коричневой форме, с красной повязкой на рукаве с белым кругом и черной свастикой. Поль уже знал — это гитлерюгенд, члены молодежной организации. Один из них вел себя особенно вызывающе. Поль в нем почувствовал угрозу и молил, чтобы все обошлось. Улица

была пустынной. Группа приближалась быстро. Оба ребенка оказались беззащитны. Парень ударил девочку, чтобы повеселить своих спутников, чтобы испытать безнаказанность и свою силу, власть. Его компания действительно расхохоталась. Ни одному из них не было стыдно.

А у Поля не было никаких возможностей защитить сестру. Выручил природный инстинкт. Он дернул девочку за руку, и они побежали изо всех сил. Забежали в подъезд незнакомого дома, забились в угол и вместе плакали. И Поль повторял одни и те же слова: «Как же это возможно — бить девочку?» Тогда он еще не предполагал, что в обществе можно жить по другим, нечеловеческим законам.

Память Леопольда Романовича выхватывала трагические события одно за другим. Он вспоминал, как оказался свидетелем очередной трагедии. Женщина бросила буханку хлеба в толпу бредущих пленных. Полицейский боковым зрением заметил непорядок. Вычислил женщину и втолкнул ее в колонну смертников. Но назад не выпустил. За сострадание, за человеческое качество, она заплатила своей жизнью. Мысли ребенка побежали дальше. Он был уверен: ее ждут дома детки. Он сокрушался от того, что дети не дождутся своей мамы. «Я так хорошо это чувствовал!» Безусловно, цепкая детская память откладывала на дне души трагические переживания. Они всё меньше становились детскими.

Можно ли детскую память считать духовным богатством? Несомненно. Это записано не с чужих слов, а пережито. И остается на всю жизнь. Не случайно у А. С. Пушкина: «Ну, кто сказал: «Воспоминанья зло?» — Оставим эти глупости соседям... Без детства своего ты всюду беден». Наука утверждает, что история включает в себя всё. Но актуализирует лишь немного, то, что остается в памяти живущих людей. А в памяти остается лишь то, что пережито и понято. Запомним эти слова о памяти. Они нам еще пригодятся. Душевный мир Поля рано был насыщен пережитыми контрастами. Было что сравнивать и выбирать. И в этом стоянии заключалась огромная заслуга семьи.

Что стоили разговоры отца с сыном о вполне серьезных, не детских вещах? Отец много дней не выходил на улицу. Болел.

Лежал в постели. Сын, возвращаясь домой, рассказывал о своих впечатлениях, часто с болью задавал вопросы. Старшего Цесюлевича тревожили мысли о будущем детей, и он старался не отмалчиваться, доступно отвечать на вопросы. Он первым разъяснил сыну, чем культурный человек отличается от цивилизованного. Диалог отца с сыном подробно описан в Книге.

Через много лет в беседах и на лекциях Цесюлевич вспоминал об этом. Настолько сильно запечатлелись в памяти слова отца. Хотя Полю в 1944-м не было и восьми лет. Потом отец и сын еще не раз вернутся к этому разговору. Поэтому не будем их диалог приводить здесь. А сын после эмоциональных бесед с отцом твердо решил стать культурным человеком.

Наверное, с этого момента и начался сознательный путь рано повзрослевшего Поля. Трудно поверить, но четко сформулированная цель — стать культурным — и непрерывные беседы с отцом в корне изменили его жизнь. Он стал по-своему выстраивать отношения с миром. Теперь не ждал, когда что-то к нему придет. Он сам отправлялся на поиски. Что направляло и управляло им? По моему убеждению, — память и данное себе слово.

Память ребенка, замешанная на страхе и ужасах в условиях оккупации, навсегда осталась в нем. И в 7—8-летнем возрасте Цесюлевич принимает решение стать культурным человеком, чтобы смочь защитить культурные ценности, чтобы противостоять цивилизованным германцам. В этом убеждаешься, когда читаешь последнюю Книгу автора.

На мой взгляд, у этой Книги могло бы быть уточняющее название — «Книга памяти». Что такое память? Понятие многозначное и разноуровневое. Традиционно мы память воспринимаем как отражение и воспроизведение прошлого, того, что безвозвратно ушло. Поэтому ей сопутствуют воображение и представление как инструменты оживления прошлого.

Память Цесюлевича иная. Безусловно, она не отменяет базового свойства оживлять прошлое. Но не только. Его память причастная и деятельная. Уже в детстве ищет ответ на такие вопросы: «Почему люди уничтожают святыни и памятники культуры? Как защитить их?»

Жизненный опыт нашего героя — яркий пример вочеловечения благодаря памяти. Она была мотивом активной жизни, наполнена чувствами, эмоциями, страданиями «за други своя», гордостью, радостью, счастьем и еще многими другими достойными человеческими переживаниями. Она была тем маховиком, который снабжал его энергией и смелостью. Благодаря внутреннему посылу он брался за дело всегда страстно, энергично, последовательно и с радостью, потому что смеет и может. Вспоминается стихотворение Николая Гумилёва: «Память, ты рукою великанши жизнь ведешь, как под уздцы коня, // Ты расскажешь мне о тех, что раньше в этом теле жили до меня.// Только змеи сбрасывают кожу. Мы меняем души, не тела».

Метафора Гумилёва емко и точно подмечает удивительные качества памяти. Для Цесюлевича она тоже оказалась «рукою великанши», вектором, уздой и долгом. Под началом недетской памяти и решимости стать культурным человеком в нем шел бурный процесс его внутреннего роста по собственному выбору.

Цесюлевич был честен в требованиях к себе. Много читал. Искал встреч с интересными людьми. Что выносил из этих встреч? Прежде всего культурные ценности и ориентиры. Спустя годы Леопольд Романович вспоминал, как восхищался их культурой, образованностью, широтой знаний, прекрасной русской речью, эрудицией, пониманием сути явлений жизни и т. п. Конечно, хотел быть похожим на них.

Для этого он изучал мировую и русскую литературу. Прекрасно овладел русским литературным языком. Значительно позднее, когда осознал, что слово является проводником сущего, стал требователен к нему. Культура языка и слова, кругозор оказали ему добрую услугу в исследовании и изучении рериховского наследия, а также в общении с выдающимися людьми эпохи, в педагогической и просветительской работе. Конечно, внутренняя активность памяти скрыта от глаз. О ней мы судим по результатам, сравнивая до и после.

Но вот ретроспективная память возвращает человека зрелого возраста к детским годам, полным контрастов и возможности четко различать добро и зло, культуру и антикультуру. И что очень важно для личности, память человека зрелого

возраста дает возможность вернуться к пережитому и открыть для себя новые ценности. В детские его годы разговор о культуре продолжался пока что в семейной обстановке. Поводов для этого было много, на каждом шагу. И каждый раз отец настойчиво напоминал сыну о злодеяниях цивилизованных варваров. Продолжал настаивать на различии, не путать культуру с цивилизацией. Напоминал сыну факты. И начинал с вопросов: «Ты помнишь; ты видел, как...» или: «Ты видел, что...» Требовал не забывать о преступлениях против человечества и культуры. Словно предвидел раскол в общественном сознании прибалтийских республик, когда большинство латышей откажется от русского языка и будет праздновать освобождение не от Германии, а от России.

Память восьмилетнего ребенка хранила пережитый страх, опасность, боль за погибших и убедительные наставления отца — «Помнить!» Эта память стала тем чистым источником, из которого Цесюлевич всю жизнь черпал силы и энергию, а рано сформировавшиеся чувства благодарности и долга обязывали брать на себя больше других и право сметь, потому что должен.

После разговора с отцом юный Польш возвращается пока к не совсем понятным словам — культура и цивилизация. И размышляет над вопросом: «Почему нельзя защитить то, что свято, что дорого сердцу; почему жизнь, добро, красота так незащищены?» Через несколько лет, семнадцатилетним, Польш этот же вопрос задал Рудзитису. Когда на лекциях Леопольд Романович говорил об этом слушателям, студентам или учащимся, им трудно было в это поверить. И лектору приходилось разъяснять, что в годы войны дети выросли раньше.

Долго ждали — и день настал. Осенью 1944-го Красная армия освободила Ригу. Семья Цесюлевичей освобождение от оккупантов восприняла как дар. Они сами не участвовали в освобождении. Их освободили. Сохранили любимый город. Благодарность семьи сопрягалась с ощущением неоплатного долга. С этого момента Леопольд Романович любую удачу в жизни воспринимал как везение и дар. Это рождало чувство благодарности, а с годами оно переросло в чувство долга. Долг памяти был нравственным долгом семьи и самого младшего — Поля.

Особый акцент отец Цесюлевича делал на героизме и жертвенности Красной армии при освобождении Кракова и Риги: «Отец мне говорил: «Вот это и есть истинная защита жизни и культуры. Им ведь проще было войти в город, когда никто не сопротивляется, когда город в руинах и враг ушел. А ведь пожертвовали тысячи своих жизней, чтобы спасти людей, еще прятавшихся в своих домах, подвалах, погребах; спасти памятники архитектуры, музеи, церкви». Таким же образом наши войска спасли Краков. Тоже за два дня до взрыва». По случайности Леопольд Романович жил в Барнауле на улице Красной армии. Барнаул увековечил армейский подвиг во Второй мировой. Наказ отца Поля помнить о подвиге Красной армии подкреплялся даже повседневностью.

Будущий художник и философ уже в детстве открыл потрясающе короткую, но сущностную формулу счастья: «После освобождения сразу исчезла все годы оккупации висевшая над городом пелена страха и опасности, СНОВА НЕБО СТАЛО НЕБОМ, СОЛНЦЕ — СОЛНЦЕМ». Он открыл формулу мирного неба и мирного солнца. До гениальности коротко, просто и одновременно пронзительно. От этих слов хочется плакать. В оккупации боялись неба, оно угрожало смертью. Из-за гари и дыма не видели настоящего чистого солнца, как небо, грозного и красного. Теперь у счастливого Поля было свое небо и свое солнце.

Сегодня мы можем сказать: этой формулой завершалось развитие памяти детства. Было бы большим заблуждением считать детскую память универсальным фактором жизни Цесюлевича. Заслуга этой памяти в том, что она сформировалась на нравственно-эстетическом восприятии жизни, на наглядном, чувственно-конкретном противопоставлении добра и зла, культуры и бескультурья (дикости). После освобождения Риги от оккупантов в семье появились новые для Поля слова: жертвенность, неплатный долг. Появились новые темы для обсуждения — новые конструкции для дальнейшего развития памяти.

Память почти восьмидесятилетнего Цесюлевича (ему в 2016-м было 79 лет) ведет его в 50-е, послевоенные. Он замечает: жизнь становилась все более насыщенной. Расширялся круг знакомств. В его жизни происходили знаменательные события: «В 1954 году удалось побывать в семье замечательного

латышского поэта, философа, общественного деятеля — Рихарда Яковлевича Рудзитиса». Молодому Цесюлевичу семнадцать лет. Эту встречу он считает жизненной удачей, везением, событием. Из Книги памяти мы узнаем: на его становление как личности самое серьезное влияние оказал близкий друг семьи — Рудзитис.

Рудзитис был выдающейся личностью, талантливым собеседником, оказался еще и прекрасным педагогом. Он требовательно и бережно относился к молодежи. Одним из настойчивых требований к молодым была просьба приходить на собеседования не за ответом, но с вопросом. Педагог опасался: ответ можно вычитать из книг, заимствовать чужие мысли. Это значит мышление прервано и возможность к размышлению, не исчерпав себя, утрачивает силу. Поэтому при первой встрече он подробно расспрашивал каждого о том, что волнует молодого человека, на какие вопросы он ищет ответ?

В вопросах Рудзитис слышал, что успел пережить молодой человек и какое занимает место в жизни (посторонний или внутри событий), и насколько созрел для ответа. Вопрос он считал началом продуктивной мысли и, значит, создания естественного энергетического поля между вопрошающим и отвечающим в лице того же вопрошающего. То есть речь шла о внутреннем диалоге, у которого нет конца. Потому что путь к истине — это процесс, и истина — это тоже процесс, она не абсолютна. И тогда внутренний диалог — это заинтересованная целенаправленная бесконечность и самоконтроль.

Этот метод Леопольд Романович ценил высоко и не преминул не только воспользоваться им, но и рассказать в своих воспоминаниях. Его память указывает, насколько плодотворна для него форма диалога. Она определяющим образом способствовала становлению своего «Я». Диалог формировал самостоятельность, самокритичность и осознание личной ответственности на уровне долга как духовной обязанности.

К диалогу в истории философии не раз обращались выдающиеся мыслители. Например, А. Хомяков и И. Киреевский (диалог окликнутого «Я»), М. Бубер (диалог «Я» и «Ты»), М. Бахтин («Я» и «другой»). Диалог Рудзитиса также заслуженно

вписывается в методологию познания. Читателям важно знать об этом. К сожалению, в большой литературе он пока что не прозвучал.

При первой встрече, как писал в воспоминаниях Цесюлевич, на вопрос Рудзитиса, «что его больше всего волнует?», он рассказал о разрушениях и жестокостях, которые ему довелось видеть. И задал вопрос: «А что же делать? С этим злом невозможно смириться!» «Во-первых, — ответил Рудзитис, — надо спасти человеческую душу. Ибо, прежде чем поднять руку на другого человека, преступник уже сам убил в себе свою душу, свою совесть, свое сострадание». То же Поль слышал от отца. Но Рудзитис еще отвечал на вопрос: «Как?» Зло многочисленно и многолико. Спасти культуру и душу человеческую «надо всемирными мерами и международными законами и правилами». Впервые наш герой встретил человека с масштабным мышлением, готового подняться до мировых проблем.

Леопольд Романович ни разу не обмолвился, как к нему относился Рудзитис. Сам он о Рудзитисе говорил с благодарностью. Но между строк воспоминаний можно уяснить, что он заметно выделялся из среды сверстников серьезностью, устойчивостью взглядов и надежностью. Это сказалось на доверительности бесед и на круге знакомств. Педагог познакомил единственного студента Академии художеств с сыновьями Рериха, ввел его в круг первого поколения рериховцев-миротворцев. Через несколько лет Цесюлевич с благодарностью воспользуется этими знакомствами в поисках экспонатов для музея.

С этого времени его так же, как и Рудзитиса, стало интересоваться всё, что касалось семьи Рерихов. И в этом педагог и ученик стали «людьми одной крови». Для студента Рижской академии художеств идея защиты культурных ценностей была вполне органичной и значимой. И что важно: заветы отца, его наставления помнить о злодеяниях, о значении культурных святынь для народа не только естественно вписывались в темы бесед с Учителем. Они были их дальнейшим развитием.

Начался новый, третий этап в жизни Цесюлевича. Вначале под влиянием убедительных бесед Рудзитиса он верил в то, что семья Рерихов на верном и очень важном пути. Но, когда

по совету Учителя и Юрия Николаевича Рериха стал читать статьи и монографии Н. К. Рериха и о Рерихе и с нарастающим интересом погружаться в его творчество, то понял: перед ним встает незаурядная личность мирового масштаба.

Масштабность деятельности Рериха иногда сравнивали с международной организацией «Красный крест». Но если «Красный крест», размышлял студент, озабочен спасением жизни, то Николай Рерих обратился к душевным качествам человека, обратился к людям планеты поднять голос в защиту мира и в защиту культурных ценностей — того, что делает человека человеком. Цесюлевич понимал — довоенная и послевоенная деятельность миротворцев стала вызовом эпохи. Но что его по-прежнему удручало и лишало уверенности в избранном пути, — то, что силы созидания и разрушения по-прежнему были неравны.

Казалось, убедительная победа над фашизмом рождала надежды на мир. «С войной покончили мы счеты...» К сожалению, уже в июле 1945 года, всего через два месяца после капитуляции фашистской Германии, в США состоялось испытание атомной бомбы. В том же году атомные бомбы были сброшены на Японию. Стало ясно: Вторая мировая война тоже не стала последней и мир по-прежнему остается хрупким. Этот факт лишал уверенности и оптимизма. Что же делать? Педагог, конечно, видел, с каким настроением молодежь покидает встречу.

Поэтому на одном из собеседований прозвучала мысль о том, что на Земле силы смертоносного оружия и силы морали всегда были неравны. Да. Сила оружия во все времена превосходила Силу морали. Цесюлевич насторожился. Прозвучал вопрос: «Неужели всё напрасно?» Философ ждал этого вопроса. Он рассчитывал на него. В вопросе молодого человека звучала искренняя боль. Не постороннего, а человека, знавшего не понаслышке о трагедиях и потерях военных лет; юноши, готового подняться до проблем мирового масштаба, желающего стать причастным к движению миротворцев. Именно здесь, на занятиях у Рудзитиса в сознании молодого человека обозначилось чувство долга — личной ответственности и обязанности перед временем и человечеством.

В беседах с Рихардом Рудзитисом выяснялось многое, вспоминал Леопольд Романович, но возникали новые вопросы и проблемы. Например, почему миротворческие идеи так медленно входят в жизнь? И что тут делать? Рудзитис терпеливо разъяснял: «Сознание людей очень медленно повышается. Очень трудно всё новое, положительное входит в сознание. Но все-таки все труды не напрасны. Все-таки изменения к лучшему есть. Надо продолжать борьбу, надо поднимать сознание людей, надо, где только можно, разъяснять смысл культуры... Надо самому стать культурным человеком, чтобы тогда нести это знание другим». Вчитываясь в эти слова, убеждаешься, насколько велика роль старшего поколения в отношении к молодежи.

Слова Учителя стали для него второй жизненной программой и вторым жизненным вектором. Вот признание самого Леопольда Романовича: «...ведь идея, зароненная с первого разговора с Рихардом Рудзитисом жила и была задачей жизни» — продолжать борьбу за культуру. Напомним: первая программа — стать культурным человеком.

Память о наставлениях отца и Рудзитиса вела Цесюлевича всю оставшуюся жизнь. Она умножала его энергию, из нее он черпал живительные силы, не терял надежды, казалось, в безнадежных ситуациях. Это в воспоминаниях победные шаги следуют один за другим, а в реальной жизни были не только победы, но и поражения. У Б. Пастернака: «Но поражение от победы ты сам не должен отличать». Почему? Потому что и в том и в другом случае он был честен до конца. Делал всё от него зависящее. Дело ценил более самого себя.

Но память не оставалась статичной. Она тоже претерпела изменения, вышла на уровень идеи Рериха — «Мир через культуру». Разрозненные мысли и общественные связи она объединила в единую систему, сформулировала твердые убеждения и не выпускала до конца жизни из своих объятий. Совесть и долг стали критерием памяти и поступка.

Вернувшись в Россию, Юрий Николаевич Рерих оживил работу по восстановлению памяти об отце в форме конгрессов, картинных галерей и конференций. Затем Цесюлевич потревожил и оживил существование миротворцев. Немалая заслуга

алтайского рериховца в том, что он дал возможность каждому из них исполнить свой долг перед памятью великого гражданина Мира. Активно и доброжелательно откликались они на просьбы второго поколения рериховцев.

А начинал Леопольд Романович на пустом месте. Вначале даже не предвидел, какой предстоит объем работы для возрождения имени Н. К. Рериха на Алтае. Еще не было программы, не было продуманных шагов. Просто начал с лекций по линии краевого общества «Знание». Выступал с лекциями о научной и творческой деятельности сыновей Рериха. На эту же тему печатался в краевых и республиканских газетах и журналах. С этого началось возвращение Рерихов на Алтай и в Россию.

Встречи с жителями края выявили устойчивый интерес самых разнообразных аудиторий к рериховской тематике и породили мысль попытаться найти следы пребывания на Алтае экспедиции Николая Рериха, состоявшейся в 1926 году. Но это уже совсем другая история, вобравшая в себя исследовательские и научные подробности и открытия.

А в моей памяти еще одна удача, еще одно везение, которое Цесюлевич успел пережить при формировании коллекции экспонатов. Хотя на этот раз удача не была его заслугой.

Весной 1992 года Барнаул готовился к открытию нового музея — ГМИЛИКА. Цесюлевич был причастен к его открытию, участвовал в основании музея. Вы помните, в коллекции экспонатов творчества Рерихов уже имелась копия Знамени Мира. Но вот директор музея Тамара Ивановна Вараксина радостно сообщила Цесюлевичу, что открываться музей будет при подлинном Знамени Мира. Она рассказала, что вице-президент музея Николая Рериха в Нью-Йорке Кэтрин Кэмпбелл-Стиббе передала Знамя Мира для нашего музея. «Теперь в экспозиции подлинное Знамя Мира Рериха. Идите и посмотрите». Естественно, он «пошел в тот зал и не столько глазами, как внутренним чувством ощутил великую разницу. Передо мной было то, что словами описать трудно». Да, это был бесценный дар. Слов нет.

Слов нет! Но о переживаниях и чувствах наш герой писать не стал. Иногда говорить о глубоком опасно. Даже истину порой надо «держат за зубами». Поэтому правильнее поделиться

впечатлениями и чувствами не Цесюлевичу, а мне. Мои чувства неоднозначны и противоречивы. С одной стороны, Знамя завершило долгий, трудный, насыщенный временем путь. Знамя Мира — свидетель зарождающегося движения миротворцев. Одновременно Знамя стало аккордом и началом жизни нового учреждения культуры — ГМИЛИКА. Но, к сожалению, не музея Рериха и уже почему-то без Леопольда Романовича Цесюлевича. Хотя известно — он стоял у основания музея. И без тех, кто был в его жизни наставником, удачей, везением. Так к радости примешивается противоположное чувство — горечь.

Нам пора прощаться с Леопольдом Романовичем. Кто примет эстафету? Кто пополнит духовный мемориал Н. К. Рериху и его семье? Кто организует работу по изучению рериховского наследия? Кто продолжит развивать связи Алтайского музея с музеями разных стран? Кому под силу решить вопрос с музеем Рериха в Верхнем Уймоне? Вопросы остаются открытыми. Работа предстоит большая. Главное, не успокаиваться на достигнутом.

В ГМИЛИКА коллекция, посвященная Рерихам, в хорошем и надежном месте. Есть надежда, что музей, продвигая идеи семьи Рерихов, с высокой мерой благодарности будет упоминать о подвиге двух подвижников из Латвии — Рудзитисе и Цесюлевиче. Может быть, найдется место для экспонатов, подтверждающих их подвиг. Может быть, со временем под каждым экспонатом будет имя миротворца-рериховца первого поколения: кто он и откуда?

Но у Рериха, человека Мира, всё же должен быть свой мемориал. Кто из молодых поднимет знамя двух поколений рериховцев? Нужен «локомотив», пассионарная личность, подобная нашему герою. И, конечно, коллектив единомышленников. Такой коллектив есть. Если Леопольд Романович начинал почти один, то сейчас рериховцев наберется отряд в разных городах края. Теперь дело за всеми музами культуры и за наукой. И, конечно, за молодыми подвижниками.